

1204

В НЕУТОМИМОСТИ ВСЕЧАСНОЙ!

При жизни о Евгении Вахтангове говорили, что, взяв в руки стул, он может сделать из него артиста, а из спичечного коробка — спектакль... И можно себе представить, какая трудная задача стояла перед актером, которому полвека спустя довелось воссоздать образ этого выдающегося режиссера на сцене вахтанговского же театра. Им был народный артист РСФСР Анатолий Александрович Кацынский. Он и стал сегодня гостем нашего «Клуба интересных встреч».

— Начну с того, — говорит актер, — что именно «Вечерка» в опубликованной на ее страницах рецензии на спектакль «Молодость театра» А. Гладкова впрямую назвала моего героя Вахтанговым. Получить такой отзыв было особенно дорого: сознание всей серьезности доверенной мне задачи не давало покоя с первого дня репетиций...

Изучал дневники Вахтангова, статьи, вчитывался в режиссерские пометки на полях пьес... Как и в работе над предыдущими ролями — а здесь особенно — в поиске внешней пластики образа помогало мое умение рисовать. Ведь кинематограф не запечатлел Евгения Багратионовича ни в одном кадре!

Будто заново знакомился со старшими коллегами по театру, знавшими его в жизни. Неожиданно для себя находил много общего в их жесте, манере говорить, мимике и, сравнивая подмеченное с фотографиями, переносил свои «открытия» на бумагу. Так родился вот этот набросок.

Анатолий Александрович раскладывает на столе кипу эскизов. На одном из них — карандашный силуэт стремительно идущего Вахтангова...

— А вот, — продолжает актер, показывая на выразительное мужское лицо, — старший брат Антона Павловича Чехова. — Александр — из пьесы А. Мамлюгина «Насмешливое мое счастье». Глядя в иссиня-голубые глаза этого человека, пронзающие тревогой и одновременно ледяным холодом, невольно вспоминаю слова о нем одного критика: «Этот беспокойный взерошенный человек сразу же привлекает наше внимание предельной напряженностью своей внут-

ренней жизни».

Одухотворенностью, запоминающимся ярким внешним рисунком привлекают и все другие, казалось бы, взаимоисключающие образы, созданные Кацынским в классических и современных пьесах. Это Тимур в «Принцессе Турандот» и герой кубинской революции Эрнесто Че Гевара из «Неоконченного диалога», Аластер Фитцфассенден («Миллионерша») и Войнички в «Лешем».

Особое место в сценической галерее занял Сальери из знаменитых «Маленьких трагедий». Эту роль актер бесменно исполняет вот уже четверть века.

— Кстати, — говорит он, — именно благодаря встрече с Сальери я увлекся рисованием, если не считать, что в детстве лучшим подарком для меня были краски, цветные карандаши и бумага.

— Анатолий Александрович, а с какой роли началась ваша актерская биография?

— Об этом вспоминаю всегда с улыбкой. Дело в том, что для поступления в Театральное училище имени Б. В. Шукина выбрал любимый с детства «Маскарад» М. Лермонтова. А в приемной комиссии оказался известный вахтанговский актер И. Толчанов — блистательный исполнитель роли Арбенина. Можно себе представить, в каком недоумении он был, когда увидел на сцене совсем юного человека — мне было шестнадцать лет — в валенках, без тени смущения разыгравшего с мизансценами и в лицах все мужские и женские роли, какие были в четвертом акте «Маскарада». Видимо, эта нелепость так его поразила, что он обратил на меня внимание и взял в свои ученики...

А сегодня А. А. Кацынский преданно служит

Театру имени Евг. Вахтангова без малого сорок лет. Многие годы избирается членом художественного совета.

У вахтанговцев немало замечательных традиций. И одна из них — любовь к изобразительному искусству. Нередко в фойе театра можно увидеть мастерские рисунки, акварели, портреты, эскизы, выполненные актерами. И среди них сразу узнаешь работы Кацынского... Подмосковный пейзаж и стремительный выпад торевдора, прозрачные женские силуэты, родившиеся в памяти о Париже, густая ночь в Афинах (воспоминания о гастролях в Греции) и будто составленные из спичек изящные графические портреты-шаржи на Ю. Борисову, В. Ланового, В. Шалевича, Ю. Яковлева — в каждой из этих работ живет праздничная театральность, одухотворенная высокая поэзией жизни. То же ощущение остается и от скульптурных произведений артиста. Обычная глина, лесная коряга становятся в его руках живой плотью созданных образов династии Симоновых, «Клоуна»...

Природный дар видеть окружающий мир образно и мастерски передавать подмеченное в живописи и скульптуре и помогает Кацынскому-актеру «лепить» свои роли.

Сегодня целую комнату его квартиры в одном из переулков старой Москвы по праву заняли скульптурный портрет Ф. Шалаяпина — «Мефистофель» и новая серия красочных рисунков, в центре которой — будущий герой артиста — Фауст, несущий на вытянутых руках синий шар Земли...

— В свое время Вахтангов мечтал о постановке «Фауста» на нашей сцене, — рассказывает Анатолий Александрович. — Но мечте не дано было осуществиться. Сегодняшнее обращение театра к известному гетевскому произведению станет данью памяти великому режиссеру... Помните, как у Гете Фауст отовоевывал у моря кусок Земли? В будущем спектакле ему предстоит защитить всю планету от грозящих ей в наши дни ужасов новой войны.

В Великую Отечественную войну, тогда подростку, не довелось бывать на полях сражений. Но до сих пор в памяти Москва сорок первого: ее скорбные, опустевшие улицы, по которым вместе с мальчишками торопился не в школу, а на завод — к токарному станку. В цехах мы как могли защищали родной город...

Е. СТЕПАНОВА.

Вечерняя Москва

11 ЯНВ 1985